

З. С. БЕЛОУСОВА

ФРАНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ {1933—1935 гг.}

В наши дни идея создания прочной системы европейской безопасности завоевывает все больше сторонников среди политиков, дипломатов и общественных кругов многих стран. Сопоставление по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе находится в центре международной жизни. Мир является свидетелем важнейших сдвигов, происходящих в международной политике. Принцип мирного сосуществования превращается в реальность современного политического развития. Дальнейшее укрепление социалистического содружества, продолжающееся изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, последовательная и неустанная борьба Советского Союза, других социалистических стран за разрядку международной напряженности, за обеспечение мира и безопасности народов приносят свои плоды.

Одной из первых капиталистических держав, государственные деятели которой начали сознавать бессмысленность обветшавших догм «холодной войны», была Франция. В 1966 г. она совершила два важных акта: провозгласила свое стремление к сотрудничеству с Советским Союзом и другими социалистическими странами и вышла из военной организации Североатлантического блока. Действия Франции отражали объективную тенденцию в развитии мировой политики. Они открыли серию важных политических актов во взаимоотношениях других капиталистических стран с Советским Союзом.

Политическая практика показывает, что от состояния советско-французских отношений во многом зависит степень обеспечения европейской безопасности. Это подтверждает и обращение к опыту истории, в частности к периоду 1933—1935 гг., когда руководители тогдашней Франции, проявив политический реализм, поддержали советский проект коллективной безопасности в форме регионального Восточноевропейского пакта.

В 20-е годы проблема безопасности Франции рассматривалась ее руководителями прежде всего как проблема обеспечения французского преобладания в Европе. На этом по существу основывались все внешнеполитические концепции правящего класса. Однако к началу 30-х годов развитие событий в Европе внесло заметные поправки в такой подход. В числе главных факторов, оказавших воздействие на эволюцию французских внешнеполитических доктрин, следует назвать рост военной опасности со стороны Германии. К этому времени ей удалось добиться ликвидации ряда важных постановлений Версальского мирного договора. В 1930 г. были досрочно выведены основные оккупационные войска из Рейнской области, ликвидирован финансовый и военный контроль над демилитаризованной зоной. В следующем году Германия сделала попытку (правда, неудачную) ревизии мирных договоров путем своеобразного «экономического аншлюса» — заключения австро-германского таможенного союза. В 1932 г. она добилась признания западными державами ее «равноправия» в области вооружений. Приход к власти гитлеровцев, провозгласивших реванизм своей государственной политикой, создал серьезную и реальную угрозу как гегемонистским планам французской буржуазии, так и собственно безопасности Франции.

Одним из основных пунктов фашистской программы было перевооружение Германии и борьба за передел мира. Уже весной 1933 г. гитлеровцы приступили к осуществлению мероприятий, направленных на подчинение всех отраслей экономики Германии задачам подготовки к войне. Началась реорганизация германской армии. 1 июля 1933 г. Гитлер подписал план, который предусматривал создание 24 дивизий, а также резервной армии и крупных пограничных соединений. Разработанная бывшим военным министром Шлейхером программа подготовки к войне вскоре была заменена новой, обеспечивающей более форсированную милитаризацию («план Бломберга») ¹. Одновременно разворачивалась невиданная по своим масштабам пропагандистская кампания вокруг реваншистской программы. В Мюнхене 24 февраля 1933 г. Гитлер заявил: «Время фраз о международной общности, обещаний международной солидарности прошло» ².

Усиление пропаганды реваншизма, внешнеполитическая программа нацистов посеяли тревогу в определенных кругах французской правящей верхушки. Часть ее стала понимать, что короткий «золотой век» гегемонии Франции на континенте закончился. Проблема обеспечения безопасности страны все явственней вставала перед ее руководителями. При этом Франция не могла уже рассчитывать на безоговорочную поддержку своих союзников по первой мировой войне. В послеверсальском мире многое изменилось. Империалистические противоречия обострились не только между победителями и побежденными, но и между самими победителями. Английские правящие круги, верные своей доктрине «равновесия сил», все чаще поддерживали прямо или косвенно требования Германии в ущерб Франции, стремились найти противовес преобладающему влиянию своей бывшей союзницы. США также были заинтересованы в ослаблении французских позиций в Европе. Американские дельцы и банкиры вкладывали крупные капиталы в германскую экономику, субсидировали фирмы и концерна и в других странах, успешно конкурируя с французским финансовым капиталом. Некоторые политические деятели Франции склонялись к более тесному сближению с Италией. Однако острые противоречия между двумя странами, особенно на Балканах и в Африке, не сулили успеха подобным планам. К тому же военный потенциал Италии был не настолько велик, чтобы служить надежным противовесом растущей силе германского империализма. Сближение с традиционным союзником Франции — Россией представлялось французским правящим кругам невозможным после победы Великой Октябрьской социалистической революции по классовым соображениям. В 20-х годах Франция прибегла к так называемой системе «тыловых союзов», заключив серию договоров с малыми европейскими странами — Польшей, Бельгией, Чехословакией, Румынией, Югославией. Она стремилась укрепить их в первую оче-
редь ³.

В первые послевоенные годы французский финансовый капитал с помощью капиталовложений и займов установил известный контроль над слабыми государственными финансами малых стран. Особенно значительные вложения капитала и крупные займы были размещены в Румынии, Югославии, Австрии, Чехословакии. С 1919 г. по 1932 г., по данным журнала «Wirtschaftsdienst», Францией были предоставлены государственные займы Румынии на сумму 1 605 млн. фр., Югославии — 925 млн., Австрии — 326 млн., Венгрии — 572 млн. В 1932 г. Чехословакии был предоставлен военный заем в 600 млн. фр. Помимо долгосрочных кредитов правительства этих стран пользовались и краткосрочными на сумму свыше 10 млрд. фр. ⁴. Франция имела большое влияние в малых странах, пока она обладала самыми сильными военными и финансовыми позициями в Европе. В начале 30-х годов по мере усиления Германии и Италии зависимость стран Центральной и Юго-Восточной Европы от Франции стала падать, а ее позиции и там заметно ослабевать.

¹ G. Castellano. Le réarmement clandestin du Reich. 1930—1935. Vu par le 2-e Bureau de l'Etat-Major Français. Paris, 1954, p. 91.

² Цит. по: A. Bullock. Hitler. A Study in Tyranny. New York, 1961, p. 219.

³ P. Renouvin. Histoire des relations internationales, t. VIII, pt. II. De 1929 à 1945. Paris, 1958, p. 34; J. Gascoel. La France et l'Europe Centrale. Paris, 1938, p. 15—17; M. Sz. Ormos. A propos de la sécurité est-européenne dans les années 1930.—«Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1970, № 16, p. 307—322.

⁴ См. Б. Бошкови ч. Перед новым взрывом на Балканах. Итал-югославские противоречия. М., 1934, стр. 46.

Но французское влияние на Балканах и в Дунайском бассейне уменьшалось не только в результате империалистического соперничества великих держав. Дело в том, что Франция никогда не была крупным рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов стран этого региона. В 1930—1935 гг. доля ее участия во внешнеторговом обороте придунайских стран равнялась в среднем 3%⁵. Главным покупателем их продукции осталась, как и до первой мировой войны, Германия. Хозяйственная жизнь аграрных стран этого бассейна была тесно переплетена с промышленно развитой Германией. Если в первые послевоенные годы, в период разрухи и «оздоровления» государственных финансов малых стран, финансовая «помощь» Франции имела решающее значение для этих стран и соответственно давала возможность Франции оказывать влияние на их внешнеполитическую ориентацию, то в дальнейшем, особенно в годы мирового экономического кризиса, значительную роль стали играть внешнеторговые отношения. Такие страны, как Румынию, Югославию, стали больше привлекать тесные экономические контакты с соседними государствами — Германией и Италией, чем с Францией. Создалось противоречие между внешнеполитической ориентацией этих стран Европы и их основными внешнеторговыми связями.

И Германия, и Италия стремились использовать это обстоятельство в свою пользу. Их экономическое наступление на Балканы сопровождалось всевозможными политическими интригами. В Югославии немцы играли на недоверии ее правящих кругов к Италии, стремились использовать антиавстрийские настроения и тот факт, что «германофобство никогда не имело большого развития» в Югославии⁶. Муссолини не переставал «соблазнять Румынию урегулированием ее споров с Венгрией в обмен за ее выход из Малой Антанты»⁷. Между Италией и Румынией расширялись торговые связи. С начала 30-х годов Италия стала одним из крупнейших партнеров Югославии. В 1933—1934 гг. Германия заняла первое место в румынском экспорте и импорте.

Чтобы воспрепятствовать процессу проникновения германского и итальянского капитала и сохранить свои позиции, французский империализм выдвигал различные проекты. Одним из них был план создания Дунайской федерации, с которым выступил французский премьер-министр А. Тардьё еще в марте 1932 г. Этот план, явившийся ответом на попытку заключения таможенного союза между Германией и Австрией в 1931 г., предусматривал наряду с подведением экономического базиса под Малую Антанту включение в ее состав еще двух стран — Австрии и Венгрии. Однако идея регионального экономического объединения придунайских стран, как и прежняя бриановская идея Пан-Европы, закончилась провалом из-за острых империалистических противоречий.

Позиции французского финансового капитала и политическое влияние Франции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы подрывались не только отсутствием достаточных торговых связей между ними. Не меньшее значение имела политика и дипломатия французской буржуазии в Европе в начале 30-х годов. Согласие Франции на признание германского «равноправия» в области вооружений, а затем ее участие в переговорах о «пакте четырех» были расценены в странах — союзницах Франции как поощрение Германии и Италии к изменению территориального статута в Европе⁸. Руководители Малой Антанты, а также Польши были серьезно озабочены создавшимся положением. Усиление ревизионизма в Германии и Италии угрожало жизненным интересам Франции и восточноевропейских стран, что укрепляло тенденции к упрочению связей между Парижем и столицами малых стран. Вместе с тем уступчивость французской дипломатии планам фашистских держав подрывала веру малых стран

⁵ См. З. Л и п н а й. Борьба империалистов в Дунайском бассейне. М., 1939, стр. 48.

⁶ A. M o u s s e t. Le Monde balkanique. — «Affaires étrangères», mars 1935, p. 153.

⁷ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. XVII. М., 1971, стр. 40.

⁸ См. «Внешняя политика Чехословакии». Сб. статей. Пер. с чешск. яз. М., 1959; В. К. В о л к о в. Германско-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938). М., 1966; З. С. Б е л о у с о в а. «Пакт четырех» 1933 года. — «Новая и новейшая история», 1972, № 2; С. И. Р я б о к о н ь. Позиция Малой Антанты в период переговоров о «пакте четырех». — «Балканы и Ближний Восток», вып. II. Свердловск, 1973; V. V y s t r i c k ý, Z. D é a k. Europa na prelome. Diplomatické a politické vzťahy v rokoch 1932—1933. Bratislava, 1974.

и поддержке в случае необходимости главного гаранта их независимости и территориальной целостности — Франции. Эти две противоположные тенденции (в сочетании с усилением Германии и Италии) придавали политике малых государств Восточной и Юго-Восточной Европы неустойчивый, колеблющийся характер.

Это учитывалось французской дипломатией. К тому же по мере роста военного могущества Германии становилось все более очевидным, что в лице малых стран Франция имеет недостаточный противовес возрождающемуся германскому милитаризму. Союзы Франции с малыми странами в военном отношении были малоэффективны, а главное — ненадежны. Для обеспечения подлинной безопасности Франция нуждалась в сильном союзнике против усиливающегося германского милитаризма и ревизионизма. И как всегда, в трудные для Франции времена ее взоры обратились к традиционному союзнику на востоке Европы.

Что же побудило французские правящие круги пойти на сближение с Советским государством?

На первое место следует поставить укрепление экономического и оборонного могущества СССР, рост его международного авторитета, миролюбивую внешнюю политику. Советская дипломатия упорно и настойчиво боролась против угрозы новой войны, за мир и безопасность народов, за нормализацию отношений со странами капиталистического мира, в частности с Францией. Ее активная деятельность на конференциях по разоружению, борьба за превращение конференции в постоянный международный орган защиты мира, выдвижение проекта конвенции об определении агрессора — все это ярко свидетельствовало о том, что Советский Союз является надежным оплотом в борьбе за сохранение мира.

Французских предпринимателей привлекали огромные экономические возможности СССР. Многие из них были заинтересованы в налаживании и развитии широких торговых связей между двумя странами.

Дипломатия Франции учитывала и новые тенденции в политике стран Малой Антанты. В 20-х годах Малая Антанта занимала враждебные позиции в отношении СССР, служила «санитарным кордоном» против Советской России⁹. Но когда опасность фашистской экспансии стала более реальной, руководители Малой Антанты начали осознавать, что для защиты их независимости и целостности необходимо по крайней мере нормализовать отношения с Советским Союзом. В марте 1933 г. министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш в беседе с советским представителем в Праге А. Аросевым уверял, что «Малая Антанта намерена установить с СССР нормальные отношения»¹⁰. Разумеется, надо учитывать, что это происходило в разгар переговоров о «пакте четырех». В беседе с советским послом во Франции В. С. Довгалевским в Женеве 9 апреля 1933 г. Э. Бенеш заявил, «что если Малой Антанте не удастся провалить пакт [четырёх], то перед ней станет вопрос о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР»¹¹. Малая Антанта рассчитывала таким путем повлиять на позицию Франции.

Французские круги были обеспокоены контактами руководителей Малой Антанты с советскими дипломатами. Советник французского посольства в Москве Ж. Пайяр 10 апреля 1933 г. интересовался у М. М. Литвинова «не было ли за последнее время сближения между Советским Союзом и Малой Антантой»¹². Оно, по мнению французских дипломатов, могло произойти на почве отрицательного отношения СССР и Малой Антанты к «пакту четырех». Появление новых тенденций в политике Малой Антанты по отношению к СССР было в то же время связано и с наметившимся улучшением советско-французских отношений. Благодаря подписанию советско-французского договора о ненападении в 1932 г. и постепенному отходу Франции от враждебной по отношению к СССР позиции создавался благоприятный политический климат для налаживания сотрудничества между СССР и малыми европейскими странами. Но заявления руководителей Малой Антанты о желании установить дипломатические отношения с СССР, сделанные в начале 1933 г., приняли конкретный характер лишь

⁹ Подробнее см.: А. А. Я з ъ к о в а. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925 гг. М., 1974.

¹⁰ ДВП СССР, т. XVI. М., 1970, стр. 150.

¹¹ Там же, стр. 225.

¹² Там же, стр. 226.

в 1934 г.¹³, после того как не был ратифицирован «пакт четырех», а французские дипломаты вступили в переговоры с СССР о заключении соглашения о взаимной помощи.

Советский Союз со своей стороны неустанно боролся за установление добрососедских отношений с восточноевропейскими государствами. Политика СССР, направленная на укрепление мира, находила горячую поддержку у французского народа. Активным и самым последовательным сторонником франко-советского союза выступала Французская коммунистическая партия. Большую роль в деле сближения двух стран играла прогрессивная интеллигенция, такие ее представители, как Анри Барбюс, Ромэн Роллан, Поль Ланжевен и др. Сама логика событий вела к росту числа сторонников сотрудничества с Советским Союзом.

31 октября 1933 г. министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур в беседе с М. М. Литвиновым предложил подумать о возможности заключения соглашения о взаимной помощи в связи с вооружением и подготовкой Германии к войне¹⁴. После второй мировой войны Поль-Бонкур рассказывал в комиссии французского Национального собрания, занимавшейся расследованием событий 1933—1945 гг.: «Во время визита М. Литвинова в Париж [проездом в Нью-Йорк] в октябре 1933 г. я спросил народного комиссара иностранных дел: «Что Вы думаете о союзе между нашими двумя странами?» Литвинов, казалось, очень симпатизировал этому. Я сказал, что не вижу иного средства [способствовать этому союзу], как только, чтобы СССР вступил в Лигу наций... Литвинов ответил: «Я подумаю. Мне нужно переговорить с моим правительством»¹⁵. Поль-Бонкур вызвался продумать вариант соглашения и просил о том же Литвинова¹⁶.

Новое направление французской внешней политики поддерживала та часть буржуазии, которая представляла машиностроение и легкую промышленность, нуждавшиеся в советском рынке сбыта. Она делала ставку на развитие экономических связей с СССР. К ней примыкали и патристически настроенные круги французского делового мира.

Другая группа французского правящего класса занимала антисоветскую позицию. Сюда входили связанные с военной промышленностью мощные монополии де Ваделей, Шнейдера, Кюльмана, а также дельцы, имеющие тесные экономические связи с германскими фирмами и концернами. Но не только экономические интересы отдельных групп буржуазии определяли их ориентацию на гитлеровскую Германию. Во французской правящей верхушке были довольно сильны и многочисленные деятели, которые по своим политическим взглядам были близки к гитлеровцам и призвали к сближению с ними. Советский полпред в Париже В. С. Довгалевский сообщал в Москву: «Группировки, которые действительно стремятся к генеральной сделке с Германией, понимают, что таковая возможна, только если предоставить Германии свободу действий на «востоке». Эти элементы представлены по-прежнему и в Комите де Форж, и в кругах химической промышленности, и в угольной промышленности»¹⁷.

Наличие этих двух линий во внешнеполитической ориентации французской буржуазии проявилось уже в самом начале франко-советских переговоров. 22 ноября 1933 г. Поль-Бонкур в беседе с Довгалевским заявил, что он «является противником прямых переговоров с Германией и каких бы то ни было уступок ей, ибо Англия и Италия по существу толкают Францию на путь признания вооружений Германии в качестве исходной точки для переговоров. Он, Бонкур, будет бороться, пока сможет, но он не скрывает... что французское общественное мнение в этом вопросе далеко не единодушно и что имеются влиятельные политические и торгово-промышленные круги, добивающиеся согласия с Германией... Единственной возможностью пресечь тенденции этих кругов,— сказал Поль-Бонкур,— он считает выработку положительной

¹³ В 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Чехословакией и СССР, а также между Румынией и СССР.

¹⁴ ДВП СССР, т. XVI, стр. 595, 602; «Documents diplomatiques français 1933—1939» (далее — DDF), I-ère série (1932—1935), t. IV (16.VII—12.XI.1933). Paris, 1968, p. 666.

¹⁵ «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la Commission d'Enquête parlementaires», t. III. Paris, 1951, p. 793.

¹⁶ ДВП СССР, т. XVI, стр. 595.

¹⁷ «Переговоры о Восточном пакте (1933—1935 годы)». Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 153.

...программы... путем создания прочного барьера против натиска ~~независимой~~ Германии... Барьер он мыслит себе в виде договора о взаимопомощи»¹⁸.

Сторонники франко-германского союза имелись и в правительстве, и в дипломатическом ведомстве¹⁹. Французский посол в Москве Ш. Альфан говорил, что в аппарате министерства иностранных дел имеются противники сближения с Советским Союзом. «Имеется сопротивление и во влиятельных кругах вне государственного аппарата. Эти сопротивления объясняются двумя причинами. Первая заключается в том, что наши капиталисты боятся вас... Другая причина, гораздо более важная, заключается в том, что у нас боятся войны между вами и Японией. Наши владения в Азии не защищены, и у нас опасаются, что при тесной связи нас с вами Япония может их захватить. Эти опасения играют большую роль в министерстве иностранных дел»²⁰.

Через два дня после беседы Поль-Бонкура с Довгалеvским французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе получил аудиенцию у Гитлера. Последний говорил о желании достичь соглашения с Францией, но в качестве главного условия выдвинул требование увеличения германской армии до 300 тыс. человек, оснащение ее пушками калибра 150-мм и легкими танками. Гитлер предлагал «дружески урегулировать» вопрос о Сааре, не дожидаясь плебисцита, поскольку, по его словам, 95% населения все равно выскажется в пользу присоединения к Германии. Месяцем раньше, 14 октября 1933 г., Гитлер выдвинул идею о заключении франко-германского пакта о ненападении, которая была подхвачена определенными кругами во Франции и частью прессы, но не получил отклика. И не только потому, что подобный договор не мог добавить никаких дополнительных гарантий безопасности Франции к тем, которые вытекали из Локарнских соглашений и Парижского пакта, но главное из-за опасений, как бы Англия не воспользовалась заключением франко-германского договора для отказа от своих обязательств по Локарнскому пакту. Учитывая характер англо-французских отношений, Гитлер во время приема французского посла довольно долго распространялся о «большевистской опасности» в Европе. «Задняя мысль об активной политике, направленной более или менее долгосрочно против Советской России, мне кажется, не покинула его», — сообщал Франсуа-Понсе²¹. Посол подчеркивал антисоветские высказывания своего собеседника, полагая, что именно на этой почве легче достичь соглашения с Германией.

В беседе с Франсуа-Понсе 7 декабря 1933 г. Гитлер вновь говорил об урегулировании саарского вопроса до плебисцита, чтобы ликвидировать «счета между нашими двумя странами», на что посол заметил, что и его «визит к канцлеру достаточно свидетельствует о том, что эти контакты [франко-германские] нам не безразличны»²². Франсуа-Понсе был сторонником сближения и тесного сотрудничества с Германией. Его телеграммы и депеши в Париж полны заверений в миролюбивой политике Гитлера. «Равенство прав, которое он требует и в котором ему не смогут долго отказывать, не имеет наступательной цели»²³. О неизбежности перевооружения Германии твердили и некоторые военные деятели Франции. В докладной записке военного ат-

¹⁸ ДВП СССР, т. XVI, стр. 684—685.

¹⁹ Летом и осенью 1933 г. гитлеровцы при посредничестве реакционного журналиста Фернана де Бринона пытались войти в непосредственный контакт с премьер-министром Э. Даладье. В сентябре 1933 г. Даладье было передано предложение Гитлера проводить периодически тайные встречи глав двух правительств до тех пор, пока не будет достигнуто франко-германское соглашение. Лишь свидетельству Риббентропа, Даладье пришел на свидание с высокопоставленным чиновником министерства обороны и объяснил Риббентропу и де Бринону, что его политические друзья отклоняют германское предложение. — Н. А з е а u. Le pacte franco-soviétique 2 mai 1935. Paris, 1969, p. 59—61. 25 ноября 1933 г. в беседе с советским дипломатом Поль-Бонкур строго конфиденциально сообщил, что, «если бы не сопротивление с его стороны, Даладье повел бы уже прямые переговоры с Германией». — ДВП СССР, т. XVI, стр. 684. За сближение с Германией в прессе выступали в конце 1933 г. журналисты Фр. Коти («Ami du peuple»), Пио (L'Oeuvre), Дюварри («Volonté» — А. Верт считает эту газету полуофициозным органом Ка д'Орсе), де Бринон («L'Information»), Зауэрвейн («Le Matin»). — Е. С а m e r o n. Prologue to Appeasement. A Study in French Foreign Policy. Washington, 1942, p. 23.

²⁰ ДВП СССР, т. XVII, стр. 141.

²¹ DDF, 1-ère série, t. V, (13.XI.1933—13.III.1934). Paris, 1970, p. 105, 107.

²² Ibid., p. 246

²³ Ibid., p. 563.

таше Франции в Берлине генерала Реноддо, направленной в феврале 1934 г. военному министру маршалу Петэну, отмечалось, что, поскольку Германия уже перевооружается, Франция «остаётся лишь попытаться задержать темп перевооружения и, если возможно, ограничить его объём»²⁴. Далее Реноддо предлагал сделать выбор: или заключить «соглашение, которое сохранит наши вооружённые силы, разрешит ограниченное перевооружение Германии и даст нам, без сомнения, 12 лет мира; или — упорство в негативном и враждебном отношении [к Германии] и вероятный конфликт»²⁵.

В связи с переговорами Франсуа-Понсе в Берлине некоторые французские газеты ставили перед правительством дилемму: или Берлин или Москва. И только немногие французские политики и дипломаты (к ним в тот период в первую очередь следует отнести Эррио, Поль-Бонкура и Альфана) не питали иллюзий в отношении соглашения с Берлином. «К сожалению, приходится констатировать, что примерно каждые пять лет начинаются разговоры о франко-германском соглашении и каждый раз по прошествии нескольких месяцев приходится убеждаться в тщетности всех усилий, делаемых в этом направлении. Все дело в безграничности германских требований. — говорил Альфан заместителю министра иностранных дел Н. Н. Крестинскому 26 ноября 1933 г. — Сперва они просили только одного — эвакуации Рейнской области. Получив это, они стали добиваться уничтожения репараций, затем выдвинули требование о равноправии вооружений, потом потребуют польский коридор и т. д.»²⁶. Поль-Бонкур также отмечал, что уступки только поощряют Германию и могут укрепить положение Гитлера²⁷.

Создавая это, Альфан считал необходимым укреплять отношения с союзниками и с теми странами, которые не заинтересованы в ревизии договоров, чтобы иметь возможность в переговорах с Берлином проявлять достаточную твердость. Поэтому, по мнению Альфана, задачи французской политики нужно формулировать так: «если уж разговаривать с Берлином, то тем более необходимы близкие отношения с Москвой»²⁸. В телеграмме Поль-Бонкуру 20 декабря 1933 г. посол писал, что, прежде чем договариваться с Германией, необходимо создать «систему контргарантий, предназначенных сдерживать германские амбиции. Только поддержка СССР может восстановить равновесие... Формула должна быть не «Берлин или Москва», а «если Берлин, то тем более Москва»²⁹.

Начав переговоры с СССР, французская сторона настаивала на необходимости заключения пакта в рамках Лиги наций. В записке политического департамента министерства иностранных дел, подготовленной 5 декабря 1933 г., подробно рассматривались возможные варианты, когда Франция могла бы действовать вместе с СССР в случае нападения на него Германии, не нарушая своих обязательств по Локарнским соглашениям и в соответствии с Уставом Лиги наций. Если Советский Союз не будет членом Лиги, то Франция сможет предоставить «лишь ограниченную помощь, тогда как Россия не связана никакими обязательствами», — признавали авторы записки³⁰. Далее излагались соображения по поводу формы взаимной помощи. Это мог бы быть европейский пакт взаимопомощи, даже без участия Германии, рассуждали авторы, но он «втянет в длинные и сложные переговоры, в которых франко-советский диалог потерял бы свой смысл. Мы создали бы в России впечатление, что хотим потопить соглашение с ней в слишком общем и далеком от выполнения соглашении»³¹. Советская дипломатия также признавала «нежелательность такого универсализма»³².

Интересно отметить, что в документе употребляется термин «Восточное Локарно», под которым понималось гарантирование Францией русско-германских обязательств в обмен на гарантии СССР в дополнение к английским и итальянским гарантиям по Рейнскому пакту. Но это еще не означало выдвигание идеи регионального согла-

²⁴ Ibid., p. 832.

²⁵ Ibidem.

²⁶ ДВП СССР, т. XVI, стр. 688.

²⁷ Там же, стр. 696.

²⁸ Там же, стр. 764.

²⁹ DDF, т. V, p. 312.

³⁰ Ibid., p. 166.

³¹ Ibid., p. 167.

³² ДВП СССР, т. XVII, стр. 798.

...и Франции. По мнению политического дисаргамента, возможность заключения «Восточного Локарно» была маловозможной, поскольку русско-германского соглашения не существовало. Можно было бы предусмотреть в определенной форме присоединение России к Рейнскому пакту, — говорилось в документе, — но сомнительно, что Германия даст свое согласие». За исключением коллективного соглашения можно было бы предусмотреть, что «Россия соглашением с одной Францией примет обязательства, идентичные обязательствам Англии и Италии по Локарнскому договору. Такое обязательство действительно точно отвечало бы нашим нуждам». Заключение двустороннего франко-советского договора типа договоров Франции с Югославией и Румынией, писали авторы документа, «практически не принесло бы больших гарантий, чем принятие Россией обязательств по Локарнскому пакту»³³. Таковы были первые соображения французского дипломатического ведомства по поводу будущего соглашения.

В течение ноября — декабря 1933 г. состоялись беседы Поль-Бонкура с Довгалевским. Французская сторона предлагала сотрудничество двух стран — Франции и СССР, участие в соглашении других стран не предполагалось. В то время на Западе господствовало мнение, что локальные конфликты не представляют опасности для всего мира.

Советское правительство выступило с идеей неделимости мира. Оно стремилось создать систему коллективной безопасности в Европе с тем, чтобы оградить народы и больших, и малых стран от возможной агрессии. Поэтому Советское правительство предложило расширить рамки предполагаемого франко-советского договора, включив в состав его участников ряд стран Восточной Европы. 28 декабря 1933 г. В. С. Довгалевский передал Поль-Бонкуру предложение Советского правительства заключить региональный пакт о взаимной помощи в случае агрессии Германии с участием СССР, Франции, Чехословакии, Польши, Бельгии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Одновременно было передано и согласие СССР вступить в Лигу наций, чтобы облегчить заключение Восточноевропейского пакта³⁴.

«Идея региональных пактов о взаимной помощи, — говорил М. М. Литвинов в беседе с французским журналистом Зауэрвейном, — родилась из испытываемого повсеместно чувства неуверенности в безопасности, неуверенности в ненарушении мира вообще и в частности в Европе»³⁵. В системе региональных пактов о взаимной помощи СССР видел в то время наиболее реальную гарантию всеобщей безопасности. Эти пакты не были направлены против какого-либо государства. В них могли принять участие все страны данного района, заинтересованные в сохранении и упрочении мира.

К середине 30-х годов стало ясно, что проблема разоружения, в которой в течение долгих лет широкие круги во всех странах видели средство для обеспечения мира, из-за сопротивления буржуазных правительств не будет решена в скольконибудь обозримые сроки. «Разоружение само по себе, — говорил народный комиссар иностранных дел, — проводимое в тех пропорциях и теми темпами, какие до сих пор мыслились в Женеве, отнюдь не может считаться гарантией безопасности»³⁶. Советское правительство, не отказываясь, разумеется, от борьбы за разоружение как самой эффективной гарантии мира, вынуждено было искать и другие средства для предотвращения войны. Усилия советской дипломатии были направлены на создание системы коллективной безопасности, на заключение многосторонних региональных пактов о взаимной помощи.

Исторические условия сложились так, что Франция вынуждена была первой из крупных капиталистических держав начать поиски соглашения с СССР. Однако советское предложение о заключении Восточного пакта взаимопомощи было принято французским правительством не без колебаний. Весь 1933 г. отмечен большой дипломатической активностью Франции. В трех правительствах, возглавляемых ради-

³³ DDF, t. V, p. 167—168.

³⁴ ДВП СССР, т. XVI, стр. 876—877.

³⁵ «Внешняя политика СССР». Сб. документов, т. III (1925—1934). М., 1946, стр. 722.

³⁶ Там же, стр. 723.

калами Э. Даладьё (31 января — 24 октября), А. Сарро (26 октября — 23 ноября) и К. Шотаном (26 ноября 1933 — 27 января 1934) пост министра иностранных дел занимал Поль-Бонкур. В мемуарах Поль-Бонкур пишет, что после прихода гитлеровцев к власти он считал своим долгом укреплять уже имеющиеся союзы и искать новые³⁷. Напомним, что дипломатическое ведомство, возглавлявшееся им, прежде всего стало искать новые союзы в рамках «пакта четырех». И лишь позднее, ввиду провала этой идеи, были приложены усилия для восстановления доверия союзников — малых стран, а затем и для сближения с СССР. Существенное влияние на изменение позиции Поль-Бонкура оказал рост антивоенных и антифашистских настроений среди французского народа, нашедших тогда свое выражение в движении «Амстердам — Плейель». Вместе с тем внешнеполитический курс правительства отражал и различные тенденции, имевшиеся в правящей партии радикалов.

Очередной съезд партии радикалов и радикал-социалистов, проходивший в Виши в октябре 1933 г., выразил полное доверие правительству в решении внешнеполитических вопросов. Съезд с удовлетворением отмечал и попытку заключения «пакта четырех», и сближение между Францией и СССР, и установление тесных отношений между Францией и Италией³⁸. Такая компромиссная резолюция свидетельствовала о столкновении противоположных точек зрения на внешнеполитические проблемы внутри партии радикалов.

С докладом по внешней политике на съезде выступил Бертрам Ногаро. Напомнив французский тезис, синтезированный в формуле «арбитраж, безопасность, разоружение», он выразил уверенность, что лучшим способом обеспечения мира был бы пакт о взаимной помощи. Однако эта идея «не разделяется в Европе даже теми, кто хочет мира также глубоко и искренне, как мы. Я говорю о наших британских соседях»³⁹. Вместе с тем он заявил, что его слова нельзя рассматривать как критику британской политики, хотя и указал на различия между английской и французской концепциями по разоружению и обеспечению безопасности. Представитель Англии на конференции по разоружению в Женеве заявил, что, имея обязательства по Локарно, Англия не пойдет дальше «по пути организации взаимной помощи», отметил Ногаро⁴⁰.

Другой докладчик — Ж. Кайзер защищал противоположную концепцию. Он приветствовал идею «пакта четырех», осуждал «крестовый поход демократий против гитлеризма», призывал к согласию «друзей и противников». В защиту «пакта четырех» выступали и другие делегаты⁴¹.

Важным звеном во французской системе союзов после первой мировой войны была Польша. Но когда правящие круги Франции начали постепенно идти навстречу нараставшим германским требованиям, польские политики, со своей стороны, также стали искать дополнительные гарантии безопасности Польши. Уступчивая позиция Франции в вопросе о «пакте четырех» безусловно сыграла свою роль в повороте польской дипломатии в сторону Берлина. В Польше расценили французскую позицию как готовность Франции в тяжбе с Германией «отыграться» и за счет Польши. Однако не только этим объясняется польско-германское сближение и подписание в январе 1934 г. Декларации о ненападении и взаимопонимании между двумя странами сроком на 10 лет. Отсутствие в польско-германском пакте обычной в подобного рода соглашениях статьи об условиях прекращения действий пакта или о праве одной из сторон отказаться от него, если другая сторона нападет на какое-либо третье государство, не было случайным. Это соответствовало намерениям гитлеровцев, обеспечивая им нейтралитет Польши в случае агрессии на Восток. Такой договор отвечал и антисоветским планам пилсудчиков⁴².

Кроме того, отсутствие подобного условия в договоре Германии с Польшей представляло опасность для франко-польских союзных отношений. Берлинская пресса

³⁷ J. P a u l - B o n c o u r. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III République. Les lendemains de la victoire. 1919—1934. Paris, 1945, p. 361.

³⁸ «30-е Congrès du parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Vichy les 5—8 oct. 1933», p. 420—421.

³⁹ Ibid., p. 382.

⁴⁰ Ibid., p. 388.

⁴¹ Ibid., p. 400, 408—410.

⁴² См. В. Т. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939). М., 1963.

не скрывала, что одной из целей гитлеровской дипломатии было пробить брешь во французской системе союзов. «Польское правительство после примирения с Германией, которое только что состоялось, уже не сможет поддерживать Париж... Правительство Рима и Лондона увидит в этом несомненно сильный аргумент, чтобы убедить, наконец, французских политиков в необходимости изменить отношение к Германии»⁴³. Французская дипломатия пыталась умалить значение берлинской декларации, расценивая германо-польское сближение как акт, продиктованный тактическими соображениями, а не глубокими политическими причинами. Она не сразу оценила все последствия этой акции.

На решение польских правящих кругов оказал влияние и политический флирт Франции в Берлине. Польские правители опасались, что франко-германское сближение может быть достигнуто и за счет интересов Польши⁴⁴. Зная об этих настроениях в Варшаве, французский посол Ж. Лярош советовал Поль-Бонкуру дать ясно почувствовать Польше, что Франция на ее стороне⁴⁵. Но это были запоздалые пожелания. Руководители Польши уже сделали выбор в пользу Германии. Когда в беседе с Ю. Пилсудским румынский министр иностранных дел Титулеску заговорил об опасности со стороны гитлеровской Германии, Пилсудский заявил, что «не предвидит опасности германского нападения». На вопрос же о том, как он смотрит на более отдаленный период, маршал ответил, что «у него есть красивая дочь, которой 15 лет, ему хочется полюбоваться ею еще 3—4 года, а на то, что потом произойдет, ему, мол, наплевать»⁴⁶. (Пилсудский умер в 1935 г. и, к сожалению, не увидел катастрофических последствий своей политики заигрывания с гитлеровской Германией.)

Заключение польско-германского соглашения нанесло первый серьезный удар по французской системе союзов. Не прошло и двух месяцев, как другая союзница Франции — Бельгия фактически отказалась от своих союзных обязательств.

6 марта 1934 г., выступая в сенате, бельгийский премьер-министр граф де Броквилль заявил: «Для того чтобы помешать перевооружению Германии, имеется единственное средство — немедленная война. Я отказываюсь бросить мою страну в подобную авантюру. Это неотвратимый закон истории — побежденные рано или поздно поднимаются. Авторы Версаля, презирая уроки истории и действительность, думали, что можно бесконечно держать великую нацию в состоянии разоружения. Пора похоронить эти иллюзии»⁴⁷. Такое заявление вызвало резкое недовольство и даже переполох во французских правительственных кругах и полное удовлетворение Гитлера⁴⁸.

В создавшейся ситуации французская дипломатия старалась консолидировать свои союзы в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе и путем поддержки проектов создания Балканской Антанты.

Попытки создания союза балканских государств предпринимались еще в 20-е годы, особенно после подписания Локарнских соглашений. С такой инициативой выступала Турция, крайне обеспокоенная активностью империалистических держав на Балканах. Но великие державы помешали тогда подписанию Балканского пакта. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис вновь поставил на повестку дня вопрос о сотрудничестве балканских стран, прежде всего в области экономики. Первые контакты деловых и политических кругов были установлены в 1930 г. на конференции шести балканских государств в Афинах⁴⁹. Затем эти совещания сошлись ежегодно. Следует подчеркнуть, что это были не межправительственные встречи. Высказываемые мнения не отражали официальной точки зрения той или иной страны, хотя и в правительственных кругах идея балканского союза приобретала все больше сторонников. В 1931 г. в Стамбуле речь шла уже не только о необходимости экономического сотрудничества, но и об обеспечении безопасности. В следующем году в Бухаресте

⁴³ «Berliner Montag Post», 28.I.1934.

⁴⁴ «Пусть во Франции знают, что без Польши нельзя решать вопросов, ее касающихся, пусть в Берлине, Лондоне, Риме знают, что о Польше надо говорить в Варшаве», — заявлял Бек. — ДВП СССР, т. XVI, стр. 690.

⁴⁵ DDF, t. V, p. 228.

⁴⁶ ДВП СССР, т. XVII, стр. 271.

⁴⁷ DDF, t. V, p. 889.

⁴⁸ Ibid., p. 895, 913—914, 921—922.

⁴⁹ R. Kerner, H. Howard. The Balkan Conferences and the Balkan Entente 1930—1935. California, 1936.

участники конференции высказались за создание более эффективных средств, чем институт постоянных балканских конференций, для охраны суверенитета и целостности малых стран. Возникла идея подписания Балканского пакта.

Но на этом пути было немало препятствий. Когда во время пребывания в Белграде и Париже греческий министр иностранных дел Максимос выдвинул конкретный план «пакта четырех» балканских стран, его турецкий коллега Рюштю-бей заявил, что он «слишком забежал вперед»⁵⁰. Основная трудность создания общебалканского союза состояла в том, что одни страны не желали стабилизации территориального статуса на Балканах, стремились к пересмотру существующих границ, другие — наоборот, хотели закрепить статус-кво. Югославия настаивала на участии в пакте всех балканских государств, в частности Болгарии. Но болгаро-югославское сближение не устраивало Турцию, Грецию и Румынию. Да и французская дипломатия больше была заинтересована в привлечении Греции и Турции к новой группировке малых стран, чем в болгаро-югославском сближении. В беседе с югославским королем Александром французский посол в Белграде Наджиар приводил ряд аргументов в пользу Балканского пакта, подчеркивая, что отход Турции и Греции от политики сотрудничества балканских стран побудит их «искать поддержки извне»⁵¹.

К концу 1933 г. в результате двусторонних соглашений (14 сентября был подписан греко-турецкий пакт, 17 октября — румыно-турецкий, а 27 ноября югославо-турецкий договор о дружбе и ненападении) был сделан важный шаг к налаживанию сотрудничества балканских государств.

Французские политики придавали большое значение планировавшемуся соглашению, называя его мероприятием «огромной международной значимости». Поль-Бонкур признавал, «сколь невыгодным будет такой провал [неподписание пакта] для политических концепций, которым мы всегда оказывали содействие»⁵².

Наконец, 4 февраля 1934 г. четыре министра иностранных дел (Греции, Румынии, Турции и Югославии) парафировали в Белграде текст пакта Балканской Антанты, а 9 февраля он был торжественно подписан в Афинах. Осуществлению более широкого балканского союза помешали острые противоречия между Болгарией и Албанией, с одной стороны, и остальными балканскими государствами — с другой, а также серьезное итало-французское соперничество в этом районе.

Согласно статье I пакта, подписавшие его государства взаимно гарантировали безопасность всех их балканских границ. Статья II предусматривала обязательства сторон не предпринимать никаких политических действий в отношении других балканских государств, не подписавших соглашение, без предварительного взаимного уведомления, а также не брать на себя никаких политических обязательств в отношении всех других балканских стран без согласования с участниками данного пакта. Статья III предусматривала вступление пакта в силу после его подписания договаривавшимися сторонами. Он был открыт для всех других балканских государств, присоединение которых должно было стать «объектом благоприятного изучения подписавших сторон».

К пакту был приложен конфиденциальный протокол, уточняющий случаи его применения. В нем, в частности, говорилось, что целью пакта является гарантия безопасности балканских границ против агрессии со стороны какого-либо балканского государства. Затем подчеркивалось, что если бы одно из подписавших государств стало жертвой агрессии со стороны небалканского государства и к нему присоединилось бы балканское, то пакт вступит в действие против этого балканского государства. Протокол предусматривал заключение военных конвенций спустя шесть месяцев после подписания пакта (они были подписаны в 1936 г.). Последняя статья протокола фиксировала существующие границы как окончательные.

В те дни буржуазная пресса распространила слухи о том, будто бы Советское правительство благоприятно относится к Балканскому пакту. В телеграмме от 7 февраля 1934 г. советскому полпреду в Анкаре НКВД СССР просил настойчиво разъяс-

⁵⁰ ДВП СССР, т. XVII, стр. 767.

⁵¹ DDF, t. V, p. 115, 116.

⁵² Ibid., p. 506. Французский министр имел в виду политику своей страны после Версаля, когда Париж рассчитывал бороться против ревизии послевоенного статус-кво с помощью системы союзов с малыми странами Европы.

... что «о нашем положительном отношении к этому пакту и благоприятных комментариев в печати не может быть и речи»⁵³. Опровергая вымыслы буржуазной печати, советский полпред в Греции Я. Х. Давтян 14 февраля 1934 г. заявил, что «отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, это не значит, что мы его одобряем... мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов общего мира и умиротворения Балкан»⁵⁴.

В Риме и Берлине Балканский пакт был встречен негативно. В объединении балканских стран фашистские государства видели известный барьер своим агрессивным планам. Еще в конце 1933 г. Алонзи заявил, что итальянское правительство очень «забочено агитацией Турции в пользу балканской унии и сближения с Малой Антантой»⁵⁵. Когда создание Балканской Антанты стало реальным, французский дипломат сообщал в Париж, что итальянское правительство проявило «крайнюю нервозность и недовольство, но затем вынуждено было занять позицию кажущегося нейтралитета»⁵⁶. Заявление греческого министра о том, что Италия и Англия якобы не выступали против пакта, хотя и не проявляли в этой связи энтузиазма, не отражало действительности⁵⁷. Турецкий министр иностранных дел Рюштю-бей в беседе с Давтяном 6 февраля 1934 г. «несколько раз говорил, что Англия... всячески пыталась саботировать соглашение о пакте»⁵⁸.

Подписание «пакта четырех» балканских стран, консолидация Малой Антанты, расширение французского влияния на Балканах, крепнущее сотрудничество Франции с СССР вызывали все возрастающее беспокойство и в Риме, и в Берлине, и в Лондоне. Балканский пакт укреплял Малую Антанту, а вместе эти группировки, находившиеся под покровительством Франции, серьезно усиливали ее позиции на Балканах.

Однако между Балканской и Малой Антантами не было полного согласия. Французская идея, выраженная на страницах «Temps», что Балканская Антанта «должна будет подчиняться импульсам Малой Антанты», была не столь бесспорной, как это казалось ее авторам. Призывая, что задачи двух группировок однородны, Рюштю-бей в беседе с французским посланником в Анкаре Каммерером заметил, что «в случае расхождения интересов между двумя группами, наша возьмет верх»⁵⁹.

Благодаря содействию в заключении Балканского пакта французской дипломатии удалось в какой-то мере восстановить пошатнувшиеся позиции и престиж Франции в малых странах Европы, снова выступить в их глазах защитницей суверенитета и независимости. Но одновременные попытки французских политиков сблизиться с Италией вызвали отрицательную реакцию со стороны малых стран, особенно Югославии, и в итоге привели к ухудшению франко-югославских отношений, более того, способствовали сближению Югославии с Германией⁶⁰.

Следует отметить, что все внешнеполитические акции французских правящих кругов на европейском континенте осуществлялись с учетом позиции британского соседа. Они априори исходили из того, что Великобритания на их стороне и считали дружбу с Англией необходимым условием всех дипломатических комбинаций в Европе. Но Англия не хотела выходить за пределы своих обязательств по Локарнскому пакту. В вопросах обеспечения международной безопасности, защиты мира британские правящие круги дальше благих обещаний не шли. После первой мировой войны, как писал французский историк Ж. Швებель, «Великобритания продемонстрировала враждебность всем попыткам построить действительную систему коллективной безопасности»⁶¹.

Стремление Лондона остаться в стороне от серьезных осложнений в Европе было очевидным для многих дипломатов в те годы. «Англичане никогда не сделают в европейских делах какого-либо серьезного шага, способного их к чему-либо ангажиро-

⁵³ ДВП СССР, т. XVII, стр. 777.

⁵⁴ Там же, стр. 146.

⁵⁵ Там же, стр. 25.

⁵⁶ DDF, t. V, p. 755.

⁵⁷ ДВП СССР, т. XVII, стр. 146.

⁵⁸ Там же, стр. 118—119.

⁵⁹ DDF, t. V, p. 755.

⁶⁰ См. В. К. Волков. Указ. соч., стр. 41—45.

⁶¹ J. S c h w e b e l. L'Angleterre et la sécurité collective. Rennes, 1938, p. 262.

вать», — говорил посол Чехословакии в Лондоне Я. Масарик в беседе с советским полпредом И. М. Майским⁶².

Это отчетливо начали понимать и в Париже. Поэтому в 1933—1934 г. перед лицом возрождавшегося германского милитаризма Франция могла рассчитывать только на свои союзы с малыми странами Европы. Но они были явно недостаточны для обеспечения безопасности Франции.

Едиственной великой европейской державой, готовой всеми средствами бороться за предотвращение агрессии, был Советский Союз. Весной 1934 г. новый министр иностранных дел Франции Луи Барту сообщил временному поверенному в делах СССР в Париже, что правительство уполномочило его продолжить начавшиеся в октябре 1933 г. переговоры с СССР. Предметом переговоров на этот раз стал вопрос о заключении регионального Восточноевропейского пакта о взаимной помощи.

По выработанному в ходе советско-французских переговоров проекту Восточного пакта в его состав входили СССР, Польша, Чехословакия, Германия и Прибалтийские страны. Одновременно предполагалось заключить советско-французский договор о взаимной помощи.

Новая реалистическая политика Франции вытекала из трезвого анализа международной обстановки и сложившегося соотношения сил. Для наиболее дальновидных представителей французского господствующего класса стало ясно, что все их дипломатические комбинации в Европе, все их усилия по спасению и укреплению французской системы союзов не в состоянии воздвигнуть надежный барьер против гитлеровской экспансии и обеспечить мир. Прочная система европейской безопасности не могла быть создана без участия Советского Союза.

Реально мыслящий государственный деятель Луи Барту стал горячим сторонником и защитником идеи регионального пакта, создания системы коллективной защиты против агрессии. Как отмечал М. М. Литвинов, Барту «понял слабость устоев, на которых зиждется европейский мир, и размеры опасности, грозящей этому миру. Он понял ничтожность и ненадежность лозунга «спасайся, кто может» и важность и незаменимость коллективных усилий всех государств, стремившихся к миру. Он понял значение участия в этих коллективных усилиях мощного Советского государства. А поняв все это, он решил действовать и действовал энергично»⁶³.

В течение весны и лета 1934 г. Барту совершил дипломатическое турне по странам Восточной и Юго-Восточной Европы. Он настойчиво убеждал руководителей этих стран в необходимости создания системы коллективной безопасности, заключения многостороннего пакта о взаимной помощи. Активная дипломатическая деятельность Барту, направленная на предотвращение агрессии в Европе, вызывала ненависть реакционных, фашистских сил. 9 октября 1934 г. во время встречи в Марселе югославского короля Александра хорватский террорист выстрелом из пистолета убил короля и смертельно ранил Барту.

Как известно, Восточный пакт не был подписан. Причина этого крылась не только во враждебном отношении к нему правящих кругов фашистской Германии и Польши, но и в негативной позиции, занятой английскими правящими кругами, да и новым французским министром иностранных дел П. Лавалем. На словах заявляя о своей приверженности внешнеполитическому курсу Барту, Лаваль на деле все больше отходил от прежней линии, предусматривавшей создание системы безопасности, в которой Восточному пакту отводилась первостепенная роль. Пытаясь всеми средствами достичь соглашения с гитлеровской Германией, Лаваль стремился к пересмотру первоначального проекта Восточного пакта, к замене обязательств о взаимной помощи менее эффективными формами гарантий, точнее — обязательствами о консультациях и ненападении. Но даже этот убежденный поклонник Гитлера, заняв министерское кресло на Кэ д'Орсе, не смог сразу и открыто отказаться от курса на сотрудничество с СССР. Достигнутое в 1934 г. единство действий рабочего класса и складывавшийся союз левых сил во Франции оказывали все большее влияние на политику правящих кругов. За предотвращение агрессии и войны, за сотрудничество с Советским Союзом совместно выступали три крупнейшие партии страны — коммунисты, социалисты и радика-

⁶² ДВП СССР, т. XVII, стр. 116.

⁶³ «Известия», 12.X.1934.

... Страны такой политики имели и среди представителей деловых кругов и в парламенте. Этот курс находил поддержку на страницах многих буржуазных газет. С весны 1935 г., после введения в Германии всеобщей воинской повинности, идея сотрудничества с СССР находила все больше сторонников во Франции. Многие французы осознавали опасность германской агрессии и понимали, что действительные гарантии безопасности Франции зависят от прочного союза с СССР.

Настойчивость и последовательность советской дипломатии в реализации планов создания серьезных барьеров на пути гитлеровской агрессии суживала возможность маневра для противников коллективной безопасности. 2 мая 1935 г. Лаваль был вынужден поставить свою подпись под договором о взаимной помощи с Советским Союзом. Этот договор, отвечавший интересам сохранения мира в Европе, мог стать надежной преградой на пути агрессоров. Но во Франции, а равно и в Англии возобладала политика «умиротворения» фашистских агрессоров. Договор 1935 г. с Советским Союзом не был наполнен жизнью, военная конвенция между двумя странами так и не была подписана из-за саботажа французских руководителей.

Исторические события середины 30-х годов свидетельствуют, что проводившаяся тогдашними французскими правящими кругами политика была политикой упущенных возможностей. Предвзятость руководителей капиталистических держав, ослепленных антикоммунизмом и классовой ненавистью к Советскому Союзу, помешала в 30-е годы создать эффективную систему европейской безопасности. Роковые последствия этой политики хорошо известны. Фашистские агрессоры смогли развязать кровопролитную мировую войну. Уроки истории настойчиво напоминают всем европейским народам о необходимости создания на нашем континенте системы прочного мира и безопасности, системы, которая обеспечит необратимый процесс разрядки и навсегда исключит возможность агрессии из политической жизни Европы.